БІОГРАФІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО

СОСТАВЛЕНА

А. П. фонъ-Дитмаръ

И ОДОБРЕНА СЫНОМЪ ПОЭТА.

Изданіе А. С. Панафидиной
Москва, Покровка, Лялинъ пер., соб. д. № 11 и 13.
1902.

БІОГРАФІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО

составлена

А. П. фонъ-Дитмаръ

и одобрена сыномъ поэта.

Изданіе А. С. Панафидиной.
Москва, Покровка, Лялинъ пер., соб. д. № 11 и 13.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 3-го апрѣля 1902 г.

Типогр. А. П. Поплавскаго, Покровка, д. Сиротининыхъ.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

«Пушкинъ».

Василій Андреевичъ Жуковскій родился 29 января 1783 года въ селѣ Мишенскомъ, Белевскаго уѣзда Тульской губерніи. Отцомъ поэта былъ богатый мѣстный помѣщикъ Афанасій Ивановичъ Бунинъ, а матерью плѣнная турчанка Сальха, названная при крещеніи Елизаветой Дементьевной.

Про появленіе Сальхи въ Мишенскомъ сохранился слѣдующій разсказъ: во время походовъ Румянцева въ Турцію многіе изъ крѣпостныхъ Бунина отправлялись съ русскими войсками въ походъ, въ качествѣ маркитантовъ. Когда однажды нѣсколько крестьянъ пришли проститься къ Бунину, послѣдній шутя сказалъ имъ: „Вотъ что, братцы! Приведите-ка мнѣ хорошенькую турчанку, а то моя жена совсѣмъ состарилась.“ Крѣпостные не поняли шутки своего помѣщика, а напротивъ приняли его слова въ серьезъ и, когда возвратились, привезли въ Мишенское двухъ турчанокъ-сестеръ, взятыхъ въ плѣнъ нашими войсками при осадѣ крѣпости Бендеръ. Одна изъ полонянокъ, 11-лѣтняя Фатима, умерла вскорѣ по прибытіи къ Бунинымъ, а другую, Сальху, опредѣлили сперва няней къ младшимъ дѣтямъ Афа-

насія Григорьевича, а впослѣдствіи она заняла мѣсто домоправительницы.

Жена Бунина, Марія Григорьевна, урожденная Безобразова, женщина весьма развитая и образованная, привыкла, какъ и другія женщины того времени, смотрѣть сквозь пальцы на эротическія похожденія своего мужа, но слишкомъ явное расположеніе, которое Афанасій Ивановичъ началъ оказывать красивой Сальхѣ, вызвало нѣкоторое несогласіе между супругами, повлекшее за собой переселеніе Сальхи во флигель.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ у Сальхи родились одна за другой двѣ дѣвочки, вскорѣ однако умершія. Несогласія между супругами продолжались; Афанасій Ивановичъ жилъ съ Сальхой во флигелѣ, и Сальхѣ было запрещено появляться въ главномъ домѣ иначе, какъ за полученіемъ хозяйственныхъ распоряженій.

Но вотъ Сальха родила сына и Марія Григорьевна переложила гнѣвъ на милость, сначала разрѣшивъ своей дочери Варварѣ, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Юшкова, быть воспріемницей маленькаго „Васеньки", а затѣмъ сама привязалась всѣмъ сердцемъ къ мальчику. Вѣроятно этому способствовала смерть единственнаго сына Бунинызъ, скончавшагося около того времени за границей, послѣ чего Марія Григорьевна сильно горевала.

Крестнымъ отцомъ „Васеньки" былъ мелкопомѣстный дворянинъ Андрей Григорьевичъ Жуковскій, жившій у Бунинызъ, который и передалъ крестнику, черезъ усыновленіе, свое имя, ставшее въ настоящее время такимъ славнымъ.

Маленькій Васенька, съ первыхъ дней появленія на свѣтъ, сдѣлался общимъ любимцемъ и

былъ окруженъ цѣлымъ штатомъ нянюшекъ, мамушекъ и прочей челяди, приставлявшейся въ то время къ господскимъ дѣтямъ.

Его дѣтство и отрочество мирно протекли среди любящихъ родныхъ, въ кругу племянницъ, дѣтей дочерей Маріи Григорьевны. Село Мишенское, ставшее колыбелью будущаго «пѣвца музъ и грацій», было однимъ изъ тѣхъ чудныхъ старинныхъ барскихъ помѣстій, о которыхъ въ настоящее время сохранились лишь воспоминанія. Большой барскій домъ съ флигелями и службами, съ оранжереями и теплицами, съ паркомъ и садомъ, съ прудами и садками; столѣтняя дубовая роща, ручеекъ, прихотливо извивавшійся по живописной долинѣ; очаровательный видъ на окрестные пышные луга и нивы, раскинувшіеся вдали,—все это производило сильное впечатлѣніе на посѣтителей, а обитателей этого чуднаго уголка невольно располагало къ мирному наслажденію красотами природы. Среди подобной-то обстановки и назрѣвали поэтическія вдохновенія ребенка, вылившіяся потомъ въ чудныхъ стихахъ.

Когда „Васенькѣ" исполнилось семь лѣтъ, къ нему былъ приставленъ гувернеръ - нѣмецъ, представлявшій изъ себя типъ Вральмана. Этотъ первый наставникъ будущаго поэта всѣ педагогическіе пріемы приводилъ къ одному знаменателю—розгамъ, и лишь изрѣдка допускалъ разнообразіе въ видѣ постановки ученика на горохъ голыми колѣнками. Подобные методы преподаванія и воспитанія не находили ни въ комъ сочувствія и повели вскорѣ къ тому, что гувернера удалили изъ Мишенскаго, а обученіемъ Васеньки занялся его крестный и названный отецъ Андрей Григорьевичъ.

Но, увы, ученье и подъ руководствомъ доб-

ряка-крестнаго не особенно подвигалось впередъ. „Васенька“ находилъ болѣе интереснымъ рисовать на грифельной доскѣ, на стѣнахъ и даже на полу всевозможныя рожи, вмѣсто того, чтобы выводить буквы и слова.

Эти дѣтскія упражненія въ живописи привели однажды къ комичному происшествію. Маленькій Васенька, оставшись одинъ въ дѣвичьей, началъ срисовывать образъ Божьей Матери мѣломъ на полу, а окончивъ работу, вышедшую довольно удачной, ушелъ. Одна изъ дѣвушекъ, войдя и увидя изображеніе иконы на полу, подняла весь домъ на ноги, и бросилась съ докладомъ о „чудѣ“ къ Маріи Григорьевнѣ. Но Бунина, замѣтивъ выпачканныя мѣломъ руки „Васеньки“, догадалась о причинѣ „чудеснаго явленія“ и успокоила переполошившихся домочадцевъ.

Это раннее стремленіе къ живописи и способности, проявлявшіяся въ ребенкѣ, впослѣдствіи, какъ извѣстно, примѣнялись поэтомъ, оставившимъ нѣсколько картинъ красками и множество рисунковъ карандашомъ, хранящихся въ данное время частью у родственниковъ и друзей, частью же переданныхъ въ вѣдѣніе музеевъ.

Около 1790 года Бунины переселились въ Тулу, и „Васенька“ началъ посѣщать пансіонъ Христофора Филипповича Роде, а дома занимался съ приглашеннымъ спеціально для этого репетиторомъ. Этимъ репетиторомъ былъ докторъ философіи и писатель, Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, служившій учителемъ въ Тульскомъ народномъ училищѣ, называвшій самого себя „пустынникомъ съ горы Алаунской“.

Въ 1791 году скончался Афанасій Ивановичъ,

поручивъ сына заботамъ Маріи Григорьевны, которая свято выполнила завѣтъ мужа.

Въ томъ-же году „Васеньку“ опредѣлили полнымъ пансіонеромъ въ тотъ-же пансіонъ Роде, но всѣ свободные дни зимой, какъ и лѣтнія вакаціи, онъ проводилъ среди семьи.

Въ 1792 году пансіонъ Роде былъ закрытъ, и „Васенька“, по совѣту Ѳ. Г. Покровскаго, былъ опредѣленъ въ Тульское народное училище, откуда вскорѣ его и исключили „за неспособность“, по словамъ того-же „пустынника съ горы Алаунской“. Подобной аттестаціей „неспособнаго“ были награждаемы многіе изъ корифеевъ нашей литературы и невольно задаешь себѣ вопросъ, чѣмъ объяснить это? Или въ преподававшихся предметахъ было мало интереснаго, или педагогическій ареопагъ былъ неспособенъ заинтересовать учениковъ и не умѣлъ подмѣтить въ нихъ искры дарованія.

Послѣ неудачи въ народномъ училищѣ „Васенька“ учился дома, гдѣ главное вниманіе было обращаемо на основательное усвоеніе иностранныхъ языковъ, чѣмъ поэтъ и отличался впослѣдствіе и что дало ему возможность оставить потомству много высокохудожественныхъ переводовъ, легшихъ краеугольнымъ камнемъ въ зданіи его литературной извѣстности.

Стремленія къ изящному, свойственныя поэзіи Жуковскаго, возникли въ обстановкѣ, въ которой проходили отроческіе годы поэта, — въ домѣ его крестной матери Варвары Афанасьевны Юшковой, отличавшейся большими музыкальными способностями, и собиравшей на свои музыкально-литературные вечера многочисленное общество.

На этихъ вечерахъ исполнялись музыкальныя

новинки, какъ вокальныя, такъ и инструментальныя, читались только-что вышедшія въ печати литературныя произведенія, преимущественно Карамзина, Дмитріева и послѣдователей ихъ школы, а также устраивались домашніе спектакли. Двѣнадцатилѣтній „Васенька“ ко дню пріѣзда Маріи Григорьевны Буниной, сочинилъ пьесу, — „Камиллъ или освобожденіе Рима“, въ каковой и исполнилъ самъ главную роль.

Неудачное ученье „Васеньки“ заставило его родныхъ подумать о военной карьерѣ. Жуковскій, какъ и большинство дворянъ, при рожденіи былъ записанъ сержантомъ въ гусарскій полкъ, а въ 1789 году былъ произведенъ въ прапорщики и назначенъ, конечно номинально, младшимъ адъютантомъ къ генералу Кречетникову; но такая слишкомъ быстрая карьера также быстро пресѣклась,—Жуковскій былъ уволенъ въ отставку „по прошенію“ и „безъ награжденія чиномъ“.

Чтобы снова попытать счастья на военномъ поприщѣ, Жуковскій былъ одѣтъ въ мундиръ и отправленъ въ Петербургъ, въ сопровожденіи маіора Постникова, но успѣлъ лишь прожить два мѣсяца въ Кексгольмѣ среди военнаго общества и, въ силу указа Императора Павла о воспрещеніи принимать въ полки малолѣтнихъ, вернулся въ Тулу.

Но эта поѣздка предоставила Жуковскому возможность въ первый и въ послѣдній разъ видѣть Императрицу Екатерину II, окруженную ея блестящимъ дворомъ. Это зрѣлище оставило настолько глубокое впечатлѣніе въ ребенкѣ, что много лѣтъ спустя, ребенокъ, превратившійся въ поэта, на склонѣ дней своихъ, говоритъ про себя въ стихотвореніи—«Царскосельскій лебедь»:

„Но не сѣтуй старецъ, пращуръ Лебединый,
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины!“

Послѣ этой неудавшейся попытки сдѣлаться военнымъ, Жуковскій нѣкоторое время жилъ дома, но въ 1796 году Марія Григорьевна повезла его въ Москву и опредѣлила въ „благородный университетскій пансіонъ“—привилегированное учебное заведеніе того времени для сыновей дворянъ, не считавшихъ предосудительнымъ давать своимъ дѣтямъ образованіе. Въ программу благороднаго пансіона, учрежденнаго въ 1770 году кураторомъ университета, извѣстнымъ нашимъ писателемъ Михаиломъ Михайловичемъ Херасковымъ, входило множество разнообразнѣйшихъ наукъ, большинства которыхъ воспитанники не усвоивали, будучи не въ силахъ постигнуть всю бездну преподававшейся премудрости, и Пушкинъ имѣлъ полное право сказать про тогдашнее ученье:

„Всѣ мы учились понемногу—
Чему нибудь и какъ-нибудь“....

Вмѣстѣ съ другими и Жуковскій не могъ углубиться во всю массу требуемыхъ предметовъ, изъ которыхъ многіе не давались ему, въ особенности математика, и онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на словесности. Естественно, что сухость и схоластичность преподаванія не могли удовлетворить мечтательную натуру юноши, который стремился уже и въ томъ возрастѣ въ фантастическій міръ идеаловъ и грёзъ.

Благодаря знакомству своей сестры и крестной матери Юшковой съ директоромъ университета Тургеневымъ, Жуковскій сдѣлался въ его домѣ своимъ человѣкомъ и близко сошелся съ его сыновьями Александромъ и Андреемъ.

Благороднымъ пансіономъ въ то время завѣдывалъ Прокоповичъ-Антонскій, ясно видѣвшій всю несостоятельность тогдашняго учебнаго строя и стремившійся поэтому направить занятія воспитанниковъ на что-либо осмысленное и полезное. Для этого онъ основалъ литературное общество подъ названіемъ—„Собраніе воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго пансіона." На этихъ собраніяхъ, а равно и на публичныхъ актахъ, Жуковскій вскорѣ выдѣлился изъ среды своихъ товарищей и изъ акта 1798 года видно, что онъ считался „изъ первыхъ воспитанниковъ - директоровъ концертовъ и другихъ забавъ."

На пансіонскихъ собраніяхъ читались произведенія воспитанниковъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ и одно изъ сочиненій Жуковскаго, подъ заглавіемъ—„Мысли у могилы", было напечатано въ 14-й части журнала: „Пріятное и полезное препровожденіе времени" за 1797 годъ, за полной подписью,—*Сочинилъ Благороднаго университетскаго пансіона воспитанникъ Василій Жуковской.*

Эта прозаическая статья была первымъ печатнымъ трудомъ Жуковскаго; вторымъ явилось уже стихотвореніе: „Майское утро."

Въ Москвитянинѣ за 1798 годъ мы находимъ стихотвореніе—„Добродѣтель" и двѣ прозаическихъ статьи: „Миръ и война" и „Жизнь и источникъ".

Кромѣ оригинальныхъ произведеній, Жуковскій, за время пребыванія въ пансіонѣ, работаетъ на книгопродавцевъ, переводя иностранныхъ авторовъ и тѣмъ пополняетъ свои карманныя деньги, а также пріобрѣтаетъ увѣренность въ своихъ силахъ.

Близость съ братьями Тургеневыми, слывшими въ пансіонѣ „записными нѣмцами", повліяла на знакомство и увлеченіе Жуковскаго нѣмецкой

литературой. Особнное повліялъ въ этомъ отношеніи Андрей Тургеневъ, ранняя смерть котораго побудила поэта написать произведеніе, давшее ему первые лавры славы и извѣстности.

Русское общество времени Жуковскаго не отличалось культурностью и весьма ничтожный кругъ образованныхъ читателей преграждалъ путь расцвѣту мысли и появленію талантовъ. Вслѣдствіе этого русская литература принуждена была довольствоваться крупицами, падавшими со стола богача—запада; она шла на буксирѣ европейской мысли, перенимая лишь одни верхи и часто извращая ея содержаніе, примѣнительно къ требованіямъ нашего общества. Естественно, что за недостаткомъ мотивовъ русской изящной словесности, Жуковскій былъ принужденъ схватиться за литературныя богатства запада, а вліяніе западной литературы, въ связи съ условіями жизни и воспитанія, объясняютъ почему въ поэзіи Жуковскаго преобладаетъ сентиментальный характеръ.

По окончаніи пансіона Жуковскій опредѣлился на службу въ Московскую Соляную контору, но вскорѣ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Мишенское, гдѣ и проводилъ время въ обществѣ друзей дѣтства, окруженный книгами, заполняя пробѣлы своего образованія.

Подъ вліяніемъ смерти Андрея Ивановича Тургенева Жуковскій перевелъ элегію Грея – „Сельское кладбище“ и прежде всего представилъ свое произведеніе на судъ „дѣвственнаго ареопага“, отнесшагося къ его дѣтищу съ восторгомъ. По одобреніи мишенскихъ судей Жуковскій отправилъ элегію Карамзину и она была напечатана въ VI книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1802 годъ.

Впечатлѣніе, произведенное на неизбалованное

ухо читателей красивыми звучными стихами, чудными изображеніями природы и другими литературными перлами „Сельскаго кладбища“, было чрезвычайно сильное, и Жуковскій сразу занялъ мѣсто въ ряду лучшихъ поэтовъ Россіи.

Слѣдующіе годы Василій Андреевичъ проводилъ или въ Мишенскомъ, или въ Кунцовѣ у Карамзина. Въ 1804 году Жуковскій встрѣтился съ своимъ бывшимъ учителемъ Ѳеофилактомъ Гавриловичемъ Покровскимъ, нѣкогда наградившимъ поэта титуломъ „неспособнаго.“ На этотъ разъ „Пустынникъ съ горы Алаунской“ заискивающе отнесся къ своему бывшему питомцу, поэтическая звѣзда котораго сіяла уже довольно ярко на горизонтѣ русской литературы.

Въ 1805 году сестра поэта Екатерина Афанасьевна Протасова схоронила мужа и переселилась изъ своего имѣнія Муратова въ Бѣлевъ. Василій Андреевичъ вызвался заниматься образованіемъ ея дочерей и для этого ежедневно совершалъ трехверстные рейсы изъ Мишенскаго, гдѣ онъ жилъ, въ Бѣлевъ. Эта педагогическая дѣятельность продолжалась около трехъ лѣтъ и сильно помогла дружескому сближенію ученицъ и учителя, а въ сердцѣ Жуковскаго зародилась любовь къ одной изъ ученицъ—Маріи Андреевнѣ, окрасившая будущее Василія Андреевича меланхолическимъ колоритомъ и наложившая особый отпечатокъ на его произведенія, какъ того, такъ и позднѣйшаго времени.

Но печаль и тоска не овладѣли поэтомъ всецѣло; онъ углубился въ работу, результатомъ которой появились въ печати переводы „Донъ-Кихота“, „Гимна“, „Мальвины“, „Идилліи“ и много другихъ.

Въ № 24 „Вѣстника Европы“ за 1806 годъ была напечатана „пѣснь Барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей“, а въ 1807 г. Василій Андреевичъ особенно усердно сотрудничаетъ въ этомъ журналѣ, редакторомъ котораго онъ сдѣлался въ 1808 году. Въ томъ-же году появляется его баллада „Людмила“, представляющая собой пересказъ, приноровленный къ славянской жизни, знаменитой баллады Бюргера—„Ленора“. За послѣдующіе годы появляются крупныя вещи Жуковскаго—его первые романтическіе произведенія, говоря о которыхъ впослѣдствіи, Василій Андреевичъ выразился: „Я—родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“.

Столкновенія съ сотрудниками и заботы по редакціи сильно охладили рвеніе поэта и уже въ 1809 году Жуковскій передалъ фактическое редактированіе „Вѣстника Европы“ въ руки Каченовскаго, хотя самъ и продолжалъ числиться редакторомъ до 1810 года.

Въ 1810 году Василій Андреевичъ купилъ по сосѣдству съ имѣніемъ Протасовыхъ, Муратовымъ, небольшое имѣніе и поселился тамъ, проводя свое время тихо и мирно, переписываясь съ друзьями, работая по немногу и окружая себя книгами, которыя высылались ему Тургеневымъ изъ Москвы.

За это время много было переведено изъ Шиллера, „Парни“ и др.; написана первая часть повѣсти „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ и составленъ сборникъ лучшихъ русскихъ стихотвореній, вышедшій въ пяти частяхъ. Въ 1811 году скончалась Марія Григорьевна Бунина, а вскорѣ послѣ нея и мать поэта Елизавета Дементьевна.

Къ этому времени ученицы Жуковскаго подросли, и чувство его къ Маріи Андреевнѣ, которой исполнилось 17 лѣтъ, отлилось въ болѣе опредѣленную форму,—у него зародилась мысль жениться на „Машѣ“. Съ офиціальной стороны препятствій къ браку никакихъ не было, но Екатерина Афанасьевна, женщина очень религіозная, считала этотъ бракъ невозможнымъ, и на всѣ доводы Василія Андреевича отвѣчала категорическимъ отказомъ. Эта сердечная неудача повергла поэта въ уныніе и грустнымъ облакомъ легла на его произведенія, относящіяся къ тому времени.

Между тѣмъ наступилъ 1812 годъ, а съ нимъ и вторженіе наполеоновскихъ полчищъ въ Россію. Жуковскій жилъ въ Муратовѣ, давъ Протасовой обѣщаніе никому ничего не говорить о своемъ чувствѣ къ „Машѣ“. 3 августа у Плещеева праздновался день рожденія хозяина, и Василій Андреевичъ пѣлъ своего „Пловца“, въ строкахъ котораго Екатерина Афанасьевна усмотрѣла намеки на любовь поэта къ ея дочери и сочла это за нарушеніе обѣщанія со стороны Жуковскаго. Василію Андреевичу ничего не оставалось сдѣлать, какъ уѣхать изъ Муратова, что онъ и исполнилъ, отправившись въ Москву, откуда 19-го августа онъ, уже въ качествѣ поручика, состоящаго при штабѣ князя Кутузова, выступилъ съ московскимъ ополченіемъ. Въ штабной службѣ на поэта пала обязанность помогать Скобелеву въ составленіи биллютеней, каковые послѣдній выдавалъ за свои.

Наканунѣ Тарутинскаго сраженія Жуковскій написалъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“. „Впечатлѣніе, произведенное „Пѣвцомъ“, говоритъ Плетневъ не только на войско, но и на всю

Россію, неизобразимо. Это былъ воинственный восторгъ, объявшій сердца всѣхъ. Каждый стихъ повторяемъ былъ какъ завѣтное слово. Подвиги, изображенные въ стихотвореніи, имена, внесенныя въ эту лѣтопись безсмертныхъ, сіяли чуднымъ свѣтомъ. Поэтъ умѣлъ избрать лучшій моментъ изъ славныхъ дѣлъ всякаго героя и выразилъ его лучшимъ словомъ. Нельзя забыть ни того ни другого. Эпоха была безпримѣрная, и пѣвецъ явился достойнымъ ея".

П. Н. Дмитріевъ поднесъ „Пѣвца" императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, которая пожелала имѣть экземпляръ стихотворенія, переписанный авторомъ собственноручно, что Жуковскій и исполнилъ, пославъ рукопись съ посвященіемъ:

„*Мой слабый даръ царица одобряетъ*".

12 ноября Жуковскій былъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ Анны 2 степени, но вскорѣ его военная дѣятельность окончилась. По дорогѣ къ Вильнѣ, подъ Краснымъ, Василій Андреевичъ заболѣлъ горячкой и уже въ январѣ 1813 года возвратился полубольной въ Муратово.

По возвращеніи на родину поэтъ многое нашелъ измѣнившемся. Вторичное сватовство къ Маріи Андреевнѣ было также неудачно и этотъ новый отказъ заставилъ Жуковскаго уѣхать изъ Муратова въ Долбино къ племянницамъ Аннѣ и Авдотьѣ Петровнамъ, изъ которыхъ послѣдняя незадолго передъ тѣмъ овдовѣла. Здѣсь народилась первая русская баллада—„Свѣтлана", явившаяся контрастомъ по тону „Людмилѣ".

Въ этотъ періодъ времени Жуковскій, уязвленный въ своемъ чувствѣ, опечаленный отказомъ Протасовой, выказалъ всю незлобливость и чистоту своей души, всю доброту и мягкость своей нату-

ры. Вмѣсто того, чтобы мстить за неудачное сватовство, онъ, не задумываясь, продалъ свою деревеньку и всю вырученную сумму, 11 тысячъ, цѣликомъ отдалъ въ приданое племянницѣ Александрѣ Андреевнѣ, выходившей замужъ за Воейкова.

Освобожденіе Европы близилось къ концу; Парижъ лежалъ у ногъ русскаго царя; Наполеонъ былъ сокрушенъ и находился на пути къ острову св. Елены, когда Жуковскій закончилъ свое извѣстное „Посланіе Императору Александру I, спасителю народовъ".

Въ декабрѣ 1814 года экземпляръ „Посланія" былъ отправленъ авторомъ Александру Ивановичу Тургеневу для поднесенія императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, и вотъ что писалъ Тургеневъ Жуковскому по этому поводу:

1 января 1815 г.

„Пишу тебѣ, безцѣнный и милый другъ Василій Андреевичъ, въ самый Новый годъ, чтобы отъ всей души, произведеніемъ твоего генія возвышенной, поздравить тебя съ Новымъ годомъ и новою славою. Я долженъ описать тебѣ подробно чтеніе, которое происходило въ комнатахъ Ея Величества въ присутствіи Ея, великихъ князей, великой княжны Анны Павловны, гр. Ливенъ, Нелидовой, Нелединскаго-Мелецкаго и Уварова. Я писалъ уже тебѣ, что Государынѣ угодно было назначить мнѣ пріѣхать въ 7 час. вечера 30 декабря. Въ самый часъ явился я къ Уварову и немедленно ввели насъ въ кабинетъ Ея, гдѣ уже дожидался Нелединскій. Черезъ 5 минутъ вошла Государыня съ тѣми особами, которыхъ я наименовалъ выше.

Началось чтеніе, приготовленное совѣтами моихъ дѣятелей, я читалъ внятно и съ тѣмъ чувствомъ,

которое внушило мнѣ и высокость предмета, и пламенный геній твой, и моя не менѣе пламенная дружба къ тебѣ. Въ продолженіе чтенія великіе князья изъявили желаніе, чтобы эти стихи переведены были, если можно, на нѣмецкій и англійскій языки.

Но для этого надобно другого Жуковскаго, а онъ принадлежитъ одной Россіи, и только одна Россія имѣетъ Александра и Жуковскаго. Въ концѣ пьесы не разъ навертывались слезы, Государыня и я принуждены были останавливаться. Она обращалась къ великой княжнѣ и встрѣчала взоры ея, также наполненныя любви къ предмету твоего пѣснопѣнія и удивленія къ твоему таланту. Сколько сладкихъ чувствъ въ одно и то же время для матери, братьевъ и сестеръ твоего героя и для твоего друга, свидѣтеля, такого безпримѣрнаго восхищенія, смѣшаннаго съ благодарностью къ генію, умѣвшему выразить все величіе предмета единственнаго".

Это „Посланіе" имѣло громадный успѣхъ и главнымъ образомъ ему Василій Андреевичъ былъ обязанъ своей дальнѣйшей карьерой при дворѣ.

Въ это-же время поэтъ окончилъ русскій народный гимнъ и собрался, вдохновленный, только что законченной исторіей Карамзина, писать историческую поэму „Владиміръ", для собиранія матеріаловъ для которой намѣревался отправиться въ Кіевъ и въ Крымъ, но привязанность къ семейству Протасовыхъ побудила его направиться въ Дерптъ, гдѣ Воейковъ получилъ каѳедру въ университетѣ. Но не долго прожилъ поэтъ въ Дерптѣ— нѣсколько натянутыя отношенія съ старухой Протасовой заставили его вскорѣ уѣхать. Въ его письмѣ къ Маріи Андреевнѣ, писанномъ 29 марта 1815 года,

слышатся мистическія ноты, которыя слились впослѣдствіи въ звучные аккорды въ его поэзіи.

Въ маѣ 1815 года Василій Андреевичъ, проѣзжая Петербургъ, представлялся императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, принявшей поэта весьма благосклонно, а въ августѣ того-же года Жуковскій получилъ назначеніе состоять лекторомъ при императрицѣ. Но въ Петербургѣ поэтъ не могъ выдержать болѣе четырехъ мѣсяцевъ подъ рядъ. „О Петербургъ!" писалъ онъ въ то время... Проклятый Петербургъ, съ своими мелкими, убійственными разсѣяніями. Здѣсь, право, нельзя имѣть души. Здѣшняя жизнь давитъ меня и душитъ!."

Дальнѣйшая жизнь поэта дѣлилась между сѣверной столицей и Дерптомъ. Въ этотъ промежутокъ времени Марія Андреевна рѣшилась принять предложеніе доктора Мойера, хорошаго пріятеля Василія Андреевича. Извѣстіе объ этой свадьбѣ обрушилось громомъ на поэта, все еще питавшаго надежды склонить старуху Протасову на свой бракъ съ „Машей". Когда-же Марія Андреевна обратилась къ нему за совѣтомъ, какъ поступить— Василій Андреевичъ махнулъ рукой на свое разбитое счастье и благословилъ „свою идеальную Машу" на бракъ, повторяя свое любимое:

„*Все въ жизни—къ прекрасному средство*".

Въ Петербургѣ дѣла Василія Андреевича шли прекрасно. Въ концѣ 1816 года министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ поднесъ Государю экземпляръ собранія стихотвореній Жуковскаго и императоръ назначилъ поэту пожизненную пенсію въ 4000 рублей ассигнаціями.

Къ этому времени относится усиленная дѣятельность Жуковскаго въ Арзамасѣ. Это былъ дру-

жескій союзъ людей во имя одной цѣли, людей, выносившихъ изъ своихъ бесѣдъ извѣстную общность взглядовъ и бывшихъ во многомъ солидарными между собой. Къ числу членовъ Арзамаса, кромѣ Василія Андреевича, принадлежали В. А. и А. С. Пушкины, Дашковъ, князь Вяземскій, графъ Уваровъ, Блудовъ, Батюшковъ и другіе.

За эти годы Василій Андреевичъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній, написалъ поэму „Вадимъ", въ нѣкоторыхъ мѣстахъ которой заключаются указанія на обстоятельства личной жизни поэта.

Весной 1817 года въ Россію прибыла невѣста великаго князя Николая Павловича, будущая императрица Александра Өеодоровна, и Василій Андреевичъ былъ назначенъ къ ней учителемъ русскаго языка. Это новое назначеніе заставило Жуковскаго отложить въ сторону свои планы о жизни въ Дерптѣ или въ Долбинѣ и онъ по-немногу сталъ втягиваться въ придворную жизнь. Но скромный обитатель Мишенскаго, любившій сельское уединеніе, „холмы и поля", и, сдѣлавшись „царедворцемъ", попавъ въ атмосферу жизни полной искушеній и соблазновъ, сохранилъ въ себѣ всю гуманность, все добродушіе и остался „человѣкомъ". Изъ переписки Василія Андреевича съ членами царской фамиліи можно видѣть, что онъ не былъ придворнымъ Полоніемъ, готовымъ считать облако за „верблюда" или за „ласточку", смотря по желанію принцевъ, а былъ опытнымъ другомъ, способнымъ даже на внушенный любовью выговоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, отношенія Жуковскаго къ членамъ царскаго семейства были крайне просты и человѣчны и почти исключали всякій этикетъ. Въ

запискахъ Смирновой рисуется близость Василія Андреевича къ дворцовому кругу—его тамъ считали „своимъ“. Однажды, напримѣръ, Жуковскій, не получивъ приглашенія на какое-то интимное собраніе во дворецъ, не поѣхалъ туда. Когда государыня узнала о причинѣ его отсутствія, то объявила, что онъ—„свой“, что „онъ родился приглашеннымъ“, что ему нечего ждать офиціальностей, что онъ—„всегда желанный гость“.

Къ своимъ занятіямъ съ великой княгиней Жуковскій всегда приготовлялся и занятія эти шли чрезвычайно успѣшно. Главный же интересъ этихъ занятій заключался въ томъ, что великая княгиня Александра Θеодоровна, страстно любившая нѣмецкую литературу, указывала поэту на произведенія, которыя ей хотѣлось-бы видѣть переведенными. Всѣ эти переводы, указанные и вдохновленные великой княгиней, печатались маленькими изящными книжечками, подъ заглавіемъ: „Для немногихъ“.

Зиму 1817—1818 годовъ Жуковскій проводилъ вмѣстѣ съ дворомъ въ Москвѣ, неотстроившейся еще вполнѣ послѣ 1812 г. Изъ его писемъ, относящихся къ этому времени, видно, что, въ отношеніяхъ къ нему чужихъ, такъ высоко поставленныхъ надъ толпою, людей, онъ нашелъ то искреннее участіе, котораго тщетно добивался у родныхъ въ послѣднее время.

17 апрѣля 1818 года выстрѣлы кремлевскихъ пушекъ возвѣстили первопрестольной столицѣ о рожденіи сына у великаго князя Николая Павловича. Этому ребенку было суждено сдѣлаться „царемъ - освободителемъ“, и его появленіе на свѣтъ Василій Андреевичъ привѣтствовалъ сер-

дечными, глубоко-прочувствованными стихами, нѣкоторые строки которыхъ оказались пророческими:

Да встрѣтитъ онъ—обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ?
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Великаго изъ званій—*человѣкъ*!
Жизнь для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ*—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества *свободномъ*
Съ смиреніемъ дѣла свои читать!

Не слѣдуетъ забывать, что эти чудные стихи появились въ вѣкъ *крѣпостного* права, при надвинувшейся уже тучей Аракчеевщинѣ, и въ обществѣ, гдѣ нераздавалось „свободнаго голоса".

Въ это время Россійская Академія наукъ избрала поэта въ число своихъ членовъ. Отличія и почести сыпались на него, какъ изъ рога изобилія, но Василій Андреевичъ не забывалъ и на „высокой чредѣ" обязанностей по отношенію къ „человѣку". И многіе были обязаны ему облегченіемъ своей участи и улучшеніемъ положенія.

Болѣзнь великой княгини Александры Феодоровны прервала на нѣкоторое время занятія и вызвала поѣздку за границу, куда сопровождаетъ великую княгиню и Василій Андреевичъ. Это первое путешествіе по Европѣ живительно подѣйствовало на поэта. Объѣздивъ часть Германіи и Швейцаріи, Жуконскій познакомился съ чудными памятниками искусства, съ дивной природой и со многими знаменитостями, въ томъ числѣ съ Гёте и съ однимъ изъ столповъ германскаго романтизма—Тикомъ. Въ Швейцаріи Василій Андреевичъ осматривалъ Шильонскій замокъ и въ результатѣ появился переводъ Байроновской поэмы „Шильонскій узникъ".

По возвращеніи въ Россію въ началѣ 1822 года Жуковскій отпустилъ на волю крѣпостныхъ, купленныхъ на его имя книгопродавцемъ Поповымъ, и даже далъ вольную своему единственному рабу Максиму со всей семьей. Возможно, что культурная Европа и свободная Швейцарія указали поэту на страшную язву его родины—ея крѣпостныхъ рабовъ, но вѣрнѣе, что, при свойственной Жуковскому гуманности, Европа лишь дала окончательный толчекъ. Фактъ освобожденія своихъ крѣпостныхъ Жуковскимъ особенно знаменателенъ тѣмъ, что онъ совершился почти за сорокъ лѣтъ до всеобщаго освобожденія, до котораго поэту не пришлось даже дожить.

Благодаря свою племянницу Авдотью Петровну Елагину за исполненное порученіе по освобожденію ею рабовъ, Жуковскій между прочимъ изъявляетъ въ письмѣ сожалѣніе, что не могъ освободить отъ цензуры переводъ извѣстныхъ стиховъ Шиллера:

„Человѣкъ свободнымъ созданъ и свободенъ,—
Еслибъ онъ родился и въ цѣпяхъ".

По возвращеніи въ Петербургъ Василій Андреевичъ поселился въ семействѣ Воейковыхъ, переѣхавшихъ изъ Дерпта. У поэта собирались многіе друзья на его литературные вечера, оживлявшіеся присутствіемъ любезной и остроумной хозяйки дома—Воейковой. Козловъ, Батюшковъ, Вяземскій, Крыловъ, Блудовъ, Карамзинъ—почти весь цвѣтъ тогдашней литературы—бывали частыми гостями Василія Андреевича. Особенно шумно среди многочисленнаго общества Жуковскій праздновалъ сороковую годовщину своего рожденія, объявивъ при этомъ, что онъ вступилъ въ чинъ

„дѣйствительнаго“ холостяка. 19 марта 1823 года скончалась „первая“ любовь Жуковскаго—Марія Андреевна Мойеръ.

Въ письмѣ къ Елагиной, переѣхавшей снова въ Дерптъ, Василій Андреевичъ между прочимъ пишетъ: „Знаю, что она съ нами и болѣе наша, наша спокойная, радостная, товарищъ души, прекрасный, удаленный отъ всякаго страданія..... Не будемъ говорить: „ея нѣтъ“. C'est blasphême!... Ея могила будетъ для насъ мѣстомъ молитвы. На этомъ мѣстѣ одна только мысль о ея чистой, ангельской жизни, о томъ, что она была для насъ живая, и о томъ, что она нынѣ для насъ небесная“...

Эти строчки могутъ показаться попыткой утѣшенія, но сильно ошибется, кто это подумаетъ! Въ этихъ немногихъ словахъ, какъ живой вырисовывается — чистый, милый Жуковскій съ той вѣрой, которая всегда сквозила въ его поступкахъ, въ его перепискѣ, въ его поэзіи... Эта вѣра въ Промыслъ, въ безсмертіе, во что-то иногда неопредѣленное, но всегда свѣтлое и святое,—очень характерна для поклонника идеалиста Шиллера и его толкователя въ русской литературѣ.

„Машѣ“ Жуковскій посвятилъ слѣдующіе чудные стихи:

Ты предо мною
Стояла тихо;
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ...
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ,
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.

Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила
Какъ рай спокойна...
Тамъ всѣ земныя воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли!
Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!

Чѣмъ-то благоуханно-крѣпкимъ, эфирнымъ и меланхолическимъ вѣетъ отъ этихъ строкъ и эти стихи могутъ служить вообще характеристикой Жуковскаго въ той ея части, которая обнимаетъ собственно лирику.

Слѣдующія 5—6 лѣтъ были мало производительны въ литературномъ отношеніи. Быть можетъ на это повліяла печаль по усопшей, а быть можетъ были и другія причины затишья творчества поэта. За это время Жуковскому было поручено обученіе русскому языку невѣсты великаго князя Михаила Павловича, а затѣмъ выработка учебнаго плана для занятій съ будущимъ наслѣдникомъ и съ великими княжнами Маріей и Ольгой Николаевнами.

По воцареніи императора Николая I, Василій Андреевичъ получилъ назначеніе быть наставникомъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Здоровье Василія Андреевича за это время сдѣлалось очень слабымъ и въ маѣ 1826 года его отпустили для лѣченія за границу. Въ Эмсѣ поэтъ встрѣтился съ своимъ дерптскимъ пріятелемъ Рейтерномъ. Въ то время Жуковскій и не подозрѣвалъ, что въ семьѣ пріятеля растетъ дѣвочка, которая

черезъ 15 лѣтъ будетъ подругой его жизни и дастъ ему то семейное счастье, котораго онъ давно просилъ у судьбы.

Лѣченіе возстановило силы поэта и онъ усердно принялся за приготовленія къ своему званію наставника будущаго государя. Изъ его писемъ видно, что его озабочивала каждая мелочь; онъ между прочимъ собиралъ за границей библіотеки на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ для своего питомца. Въ Россію Василій Андреевичъ возвратился въ октябрѣ 1827 года.

Въ продолженіе 5—6 лѣтъ Жуковскій употреблялъ всѣ усилія для подготовки себя къ выполненію серьезной отвѣтственности, возложенной на него. Въ обширномъ и разработанномъ до мельчайшихъ деталей планѣ обученія цесаревича не было упущено ничего.

Начались занятія. Василій Андреевичъ присутствовалъ на всѣхъ урокахъ, слѣдилъ положительно за всѣмъ. Насколько онъ былъ занятъ, можно судить изъ записокъ Смирновой. Онъ мало посѣщалъ ея салонъ, отговариваясь „дѣлами"; но все-же, несмотря на многочисленность занятій, Жуковскій оставался всегда доступнымъ для друзей и знакомыхъ.

Въ февралѣ 1829 года поэту пришлось перенести еще одинъ ударъ: скончалась въ Италіи давно уже болѣвшая Александра Андреевна Воейкова. Трогательную заботливость обнаружилъ несребролюбивый Василій Андреевичъ относительно участи, оставшихся послѣ подруги его дѣтства, сиротъ. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни средствъ, ни трудовъ, чтобы только обезпечить ихъ будущность.

Въ 1832 году Жуковскому снова пришлось

лѣчиться и путешествовать. Онъ былъ въ Италіи и прожилъ нѣсколько недѣль въ Римѣ. За это время онъ окончилъ переложеніе повѣсти Ламоттъ-Фуке, — Ундина. Въ оригиналѣ Ундина написана была прозой, но въ переводѣ ея содержаніе поэтъ передалъ стихами. Къ этому дѣтищу своей музы Василій Андреевичъ питалъ особенную слабость и старался возможно украсить ея изданіе, для чего и заказалъ рисунки извѣстному Майделю.

По достиженіи ученикомъ Жуковскаго совершеннолѣтія, было рѣшено познакомить его съ Россіей. Двѣ трети 1837 года были посвящены путешествію наслѣдника по родинѣ, согласно маршрута, составленнаго Жуковскимъ и Арсеньевымъ. Послѣ этого путешествія Василій Андреевичъ сопутствовалъ своему питомцу въ поѣздкѣ по Европѣ. Во время этого путешествія поэтъ перевелъ поэму Гальома,—„Камоэнсъ", найдя въ ней мысли и положенія, напоминающія ему его собственное душевное состояніе. Впослѣдствіе Жуковскій часто повторялъ ея послѣдній стихъ:

„Поэзія есть Богъ—въ святыхъ мечтахъ земли!

Наконецъ воспитаніе наслѣдника и великихъ княженъ было окончено, но Жуковскому пришлось еще сопровождать своего питомца въ Дармштадтъ по случаю обрученія цесаревича съ принцессой дармштадтской. Послѣ небольшого заграничнаго путешествія Василій Андреевичъ предполагалъ возвратиться въ Россію и поселиться въ Муратовѣ съ Екатериною Афанасьевной Протасовой и ея внуками, но въ эту-же поѣздку поэтъ обручился въ дочерью своего пріятеля Рейтерна, Елизаветой Алексѣевной.

До свадьбы Жуковскій поѣхалъ въ Россію. По случаю бракосочетанія наслѣдника, поэту были оказаны новыя почести и милости: онъ получилъ чинъ Тайнаго Совѣтника, ордена Станислава и Анны 1-й степени и орденъ Владиміра 2 степени; кромѣ того ему было сохранено крупное содержаніе, которое онъ получалъ по должности наставника цесаревича.

Въ это время еще разъ высказалось безкорыстіе поэта и его доброта. Будучи уже женихомъ и въ силу этого обязанный думать о средствахъ для семейной жизни, Василій Андреевичъ всю сумму, вырученную отъ продажи своего имѣнія (около 115 тысячъ рублей), раздѣлилъ на три части и отдалъ тремъ дочерямъ покойной Александры Андреевны Воейковой.

Съ своей невѣстой Жуковскій познакомился, когда ей было около 12 лѣтъ. Имя поэта съ благоговѣніемъ произносилось въ семействѣ Рейтернъ, чему отчасти способствовало, быть можетъ, и то обстоятельство, что Рейтернъ, по ходатайству Жуковскаго, былъ назначенъ придворнымъ живописцемъ съ правомъ жить за границей. Почтенный, пріятный и радушный старикъ Жуковскій не могъ не произвести впечатлѣнія на чувствительную дѣвочку. Она знала, что онъ знаменитый поэтъ, что его произведеніями восторгаются всѣ люди, въ томъ числѣ и ея отецъ, и въ ея юной головкѣ имя Жуковскаго окружалось ореоломъ и поэтическимъ вѣнцомъ. Нервная, мечтательная и склонная къ мистицизму, дѣвушка хранила такимъ образомъ въ своемъ сердцѣ сѣмя будущаго чувства къ поэту.

Свадьба поэта состоялась 21 мая 1841 года въ церкви русскаго посольства въ Штутгартѣ. Какъ

бы предчувствуя, что онъ не увидитъ ея болѣе покидалъ поэтъ родину, и предчувствіе не обмануло его,—всѣ послѣдующіе годы до самой смерти Василій Андреевичъ провелъ за границей и ему не только не пришлось поселиться на родинѣ, какъ онъ мечталъ, но даже не пришлось увидѣть:

„Родного неба милый свѣтъ!

Съ женитьбы началась новая эра въ жизни Жуковскаго. Семейное счастіе поздно пришло къ нему. У него „дѣйствительнаго холостяка" образовался уже достаточный запасъ привычекъ, которыя нарушались строемъ семейной жизни.

Первые годы послѣ женитьбы Жуковскіе жили въ Дюссельдорфѣ; здѣсь имъ написаны сказки, оконченъ переводъ „Наля и Дамаянти" и начатъ переводъ Гомеровской „Одиссеи", который и законченъ въ 1649 году. Кромѣ того Василій Андреевичъ перевелъ начальныя пѣсни Иліады. Въ 1842 году у него родилась дочь Александра, а въ 1845 г.— сынъ Павелъ. Почти съ первыхъ дней появленія на свѣтъ дѣтей Василій Андреевичъ, какъ любящій и заботливый отецъ, задумывается надъ вопросами воспитанія своего потомства и, пользуясь пріобрѣтеннымъ уже педагогическимъ опытомъ, старается придумать легчайшіе и простѣйшіе способы преподаванія.

Занятія, разговоры, игра съ дѣтьми,—вотъ свѣтлые лучи, озарявшіе послѣдніе годы поэта. Но на ряду съ этимъ бывали и тяжелыя минуты. Болѣзнь жены, особенно сильно хворавшей послѣ рожденія сына нервнымъ разстройствомъ, прихварыванія дѣтей и, наконецъ, цѣлый рядъ смертей среди близкихъ поэту людей, еще недавно здоро-

выхъ, полныхъ жизни,—все это тяжело отзывалось на здоровьѣ поэта.

Въ 1848 году Жуковскій собрался въ Россію, но въ виду свирѣпствовавшей тамъ холеры отложилъ поѣздку и остался въ Германіи. 50-лѣтній юбилей его литературной дѣятельности былъ отпразднованъ въ Россіи 29 января, безъ него, въ домѣ князя Вяземскаго и въ присутствіи цесаревича

Вторично собрался поэтъ ѣхать въ Россію ко дню 25-лѣтія царствованія императора Николая I, но желаніе не осуществилось. Василій Андреевичъ заболѣлъ воспаленіемъ глазъ, засадившимъ его на цѣлые 10 мѣсяцевъ въ комнаты.

13 ноября 1851 года Василій Андреевичъ писалъ Плетневу:

„Странное дѣло! Почти черезъ два дня послѣ начала моей болѣзни зашевелилась во мнѣ поэзія— и я принялся за поэму, которой первые стихи были мною написаны назадъ тому девять лѣтъ, которой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ неразвитая, и которой созданіе я отлагалъ до возвращенія на родину, до спокойнаго времени осѣдлой семейной жизни. Я полагалъ, что не могу приступить къ дѣлу, не приготовивъ многаго чтеніемъ. Вдругъ дѣло само собой началось, все льется изнутри!..

Этой поэмой былъ Агасферъ—неоконченная лебединая пѣснь поэта.

19 марта 1852 года поэтъ писалъ своему другу Зейдлицу: „Перспектива обзавестись собственнымъ домомъ въ Дерптѣ меня веселитъ". А уже 12 апрѣля его вѣчнымъ жилищемъ сталъ гробъ. Тѣло Василія Андреевича перевезли въ Петербургъ и похоронили рядомъ съ Карамзинымъ въ Александро-Невской лаврѣ. Царственный воспитанникъ про-